

ПОЕТИКА ХУДОЖНІХ ВІДДЗЕРКАЛЕНЬ В ЕПОХУ МАНЬЄРИЗМУ ТА БАРОКО

УДК 821.111-13»15».09

Л. П. Привалова

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

АВТОРСКИЙ МИФ О ПОДЗЕМНОМ ЦАРСТВЕ МАММОНА В ПОЭМЕ Э. СПЕНСЕРА «КОРОЛЕВА ФЕЙ» САД ПРОЗЕРПИНЫ (Часть II)

Проаналізовано один з головних епізодів поеми «Королева фей» Е. Спенсера. Поет створює авторський міф про Маммона як володаря підземного світу.

Ф. Кермоуд вважає, що Спенсер створює темну алегорію, яка нагадує енігматичну картину або містерію. Ця картина складається з декількох сцен, які нагадують барокові емблеми – це Дом Багатства, Кузня, Палац Філотіми, Сад Прозерпіни. У кожній з цих точок простору Гайон стикається зі спокусами багатством, владою, забороненим знанням, гордістю. Цей сюжет дослідники розглядають як паралель біблійному мотиву спокушання Христа у пустелі.

Ключові слова: алегорія, емблема, квест, Відродження, героїчна поема, міф.

Проанализирован один из основных эпизодов второй книги аллегорической поэмы Э. Спенсера «Королева фей». Спенсер создаёт авторский миф о Маммоне и его подземном царстве как своеобразной проекции ада. Ф. Кермоуд считает, что Спенсер затемняет смысл аллегии, создаёт энигматическую картину. Главный герой второй книги сэр Гайон представлен в процессе обретения Умеренности. Кульминацией его рыцарского квеста становится встреча с богом богатства Маммоном. Образ подземного царства Маммона включает разнообразные эмблемные картины: это Дом Богатства, Кузница, Дворец Филотимы, Сад Прозерпины. В каждой из этих точек пространства Гайон сталкивается с искушениями богатством, властью, недозволенным знанием, гордыней. Этот сюжет рассматривается как своеобразная параллель известному библейскому мотиву об искушении Христа в пустыне.

Ключевые слова: аллегория, эмблема, квест, Возрождение, героическая поэма, миф.

This article is concerned with the sources and interpretation of a major episode in Spenser's poem. The Cave of Mammon is situated in the seventh Canto of book II of the Faerie Queene. In this episode we can see Spenser as a myth-maker. F. Kermode calls him an esoteric poet. Like many other poets in Neo-Platonic tradition he was creator of new secret wisdom. Spenser believed *narratio fabulosa* to be a proper mean of veiling holy truths. Like all other allegorical centres of the Faerie Queene the Cave of Mammon is planned like enigmatic picture. The main hero of book II is Guyon, the personification of Temperance. He meets with «God of the world and worldlings» Mammon. The description of Mammon's cave consists of many small scenes which are very close to baroque emblems (House of Richesse, Forge, Temple of Philotime, Garden of Proserpina). The ordeal in the Cave is the climax of Guyon's quest in his search of Temperance. Mammon offers Guyon limitless wealth, honour, power, if he will serve him, but Guyon rejects. Many critics agree that Canto 7 does describe an initiation of the main hero, and that Guyon undergoes a total temptation parallel to that of Christ in the wilderness.

Keywords: allegory, emblem, quest, Renaissance, heroic poem, myth.

Самое сложное из трёх искушений Маммона ожидало Гайона в саду Прозерпины. Это был сад, полный трав, цветов и фруктов. Они не были похожи на

те, которые земля рождала для человека. Смертельно чёрные, все эти растения более подходили для того, чтобы украсить могилу умершего. Здесь были печальный кипарис, горькая восковница, усыпляющий насмерть мак, чёрный морозник, цикута, ядовитый паслён. Это был сад Прозерпины – царицы Аида. Все, что там произрастало, находилось под влиянием Сатурна. С ним были связаны все растения чёрного цвета – опьяняющие, усыпляющие, смертоносные. Сад Персефоны, о котором Гомер пишет в «Одиссее» (X: 491), состоял из раquit и чёрных тополей. Смертоносные растения, упоминаемые Спенсером, связывают его Прозерпину с Гекатой, владычицей ядов. В центре сада стоял серебряный трон, окружённый беседкой, в которой Прозерпина укрывалась от жары, а рядом росло удивительное дерево, покрытое золотыми яблоками.

Образ дерева с золотыми плодами, которые Плуту предлагал Прозерпине, Спенсер мог заимствовать из книги Клавдиана «De raptu Proserpina» [8, с. 154]. Ни одно живое существо, говорит Спенсер, таких плодов не видело, они никогда не росли на земле. Все те яблоки, которые фигурируют в различных мифах, вели своё происхождение именно от этого дерева в саду Прозерпины. Тут были яблоки, которые Мать-Земля подарила Гере на свадьбу. Она посадила их на склоне Атласских гор в волшебном саду, который охранял дракон Ладон и Геспериды, дочери Атласа, и которые обманом добыл Геракл. На ветвях этого дерева висел и тот золотой плод, с помощью которого Аконтий заполучил Левкиппу, Гиппомен – Аталанту, Парис – Елену. Вокруг мифологемы дерева с золотыми плодами в саду Прозерпины Спенсер объединяет различные мифы, в которых фигурирует образ яблока. Возрождение воспринимало все эти мифы как предупреждение об опасности непочтения к богам, святотатства, нарушения божественных запретов и тяги к недоступному для земного человека знанию. Мифографы Возрождения рассматривали яблоки Гесперид как метафору алчности. Иная интерпретация, на которую обратил внимание Ф. Кермоуд [9, с. 162], он видит в яблоках Гесперид эмблему тайного астрономического знания. Мифографы Возрождения считали, что Атлас научил Геркулеса астрономии, и несение Геркулесом небосвода означало вес полученных им знаний [5, с. 156]. Гиппомен получил от Венеры три яблока из сада Гесперид, с помощью которых он победил в беге деву-охотницу Аталанту. Они были превращены во львов за то, что не отблагодарили Венеру и осквернили храм Кибелы (Овидий. Метаморфозы, X: 560). Аконтий в святилище Дианы бросил перед Кидиппой яблоко с надписью «Клянусь Дианой стать женой Аконтия». Она прочитала вслух слова клятвы, услышанные Дианой, но не исполнила их (Овидий. Героиды, XX, XXI). Возможно, эта история показалась Спенсеру примером опасности богохульства [8, с. 157]. Парис ассоциировался с похотью, а яблоко – с раздором. Считают, что яблоко Париса было обозначением безумного презрения к божественной мудрости. Неоплатоники понимали этот миф как пример, указывающий на необходимость преодоления крайностей для обретения умеренности. Парису не следовало выбирать одну богиню, он должен был соединить мудрость, силу и красоту, как это сделал художник, изобразивший Елизавету в образе богини, принимающей яблоко от Париса. Все мифы, связанные с яблоком, акцентируют, по мнению Ф. Кермоуда, отсутствие умеренности духа [9, с. 163]. В соответствии с ренессансной типологией античные мифы указывают на ветхозаветное яблоко Адама и Евы – символ человеческой гордыни, нарушения божественных запретов и греха *curiositas* (искушение ума запретным знанием).

Ветви золотой яблони, нагруженной богатыми дарами, свисали в чёрный поток, который окаймлял сад. Это был Коцит – место мучений множества грешников. Среди них Гайон выделил одно ничтожное существо. Намокшее до самого подбородка, оно испытывало жажду. Фрукты, которые росли рядом, не давались ему в руки, чтобы утолить голод. Мучимый жаждой и голодом, он каждый день

умирал, но умереть не мог. Это был Тантал, укравший божественную пищу – нектар и амбросию, чтобы поделиться ею со смертными. Тантал разрубил своего сына Пелопа на куски и предложил на пиру богам в качестве прекрасного блюда. Тантал давал ложные клятвы богам и презирал Элевсинские мистерии [1, с. 292]. Традиционно сюжет о Тантале служил иллюстрацией жадности или болтливости (N. Comes. Mythologiae, Whitney. Emblemes), но Гайон видит в Тантале пример невоздержанного ума («ensample be of mind intemperate»). Чуть поодаль Гайон заметил другого грешника, чьё тело было в воде, но обе руки, отвратительно грязные, были высоко подняты. Он тёр их друг о друга, чтобы отмыть, но от этих усилий они казались ещё грязнее. Это был Пилат, «фальшивый судья и самый несправедливый», «отдавший Лорда жизни на смерть». Здесь Спенсер вводит аллюзию на библейский текст, где сказано, что Пилат «взял воды и умыл руки перед народом, и сказал: невиновен я в крови Праведника Сего; смотрите вы» (Матф. 27: 24). Комментаторы кантики также отмечают аллюзию на Евангелие от Иоанна, где Иисус на вопрос Пилата отвечал: «Царство Моё не от мира сего ... Я на то родился и на то пришёл в мир, чтобы свидетельствовать об истине; всякий, кто от истины, слушает гласа Моего. Пилат сказал Ему: что есть истина?» (Иоанна 18: 36, 37). Этот ответ авторы Женевской библии истолковывали как оскорбительный и насмешливый [8, с. 157]. Брукс-Дэвис считает, что искушения Гайона в саду Прозерпины включают имплицитно (образ Париса как судьи богов) и эксплицитно (история Пилата, осудившего Христа) проблему справедливого суда. И Тантал, и Пилат представляются примерами богохульства, пренебрежения божественными запретами, самонадеянности. Если Тантал отрицает свой грех, проклиная богов, то Пилат постоянно кается в своём грехе. Тантал не верит в божественную справедливость, а Пилат не ведаёт о божественном милосердии. Тантал, пытаясь утолить жажду и голод, пародирует евхаристию, а Пилат, очищая себя водой – крещение. Тантал никогда не удовлетворит свой голод, Пилат никогда не очистит свои руки, их желания никогда не будут удовлетворены. П. Куллен считает сад Прозерпины метафорой ума, раздираемого ненасытностью желаний, ума после грехопадения [10, с. 70–80]. Съев запретный плод, Адам и Ева обрекли своих потомков испытывать ненасытность желаний снова и снова. Мифологема сада Прозерпины иллюстрирует ответ Гайона на вопрос Маммона: «Почему люди жаждут золота, если оно зло?». Золото, которое хранит Маммон, никто никогда не видел и не трогал. Предлагая Гайону то, чем нельзя обладать, Маммон провоцирует желать неисполнимого, т.е. «mind intemperate», ставший причиной изгнания из рая, грех самонадеянности и гордыни [10, с. 82].

Маммон предлагает Гайону отдохнуть в тени на серебряном стуле и ответить золотое яблоко. Исследователи окружили этот эпизод разнообразными мифологическими параллелями: это миф о Персефоне, вкусившей зёрна граната, об Адаме и Еве, соблазнённых яблоком, о Христе, которому Сатана предложил обратить камни в хлеба (первое искушение Христа пуритане трактовали как искушение сомнением в слове Бога), также этот эпизод можно соотнести со сценой пиршества в поэме Мильтона «Возвращённый рай». Мильтон, следуя Кальвину, считает, что первое искушение Христа было испытанием веры и не имело ничего общего с голодом или чем-то телесным [2, с. 803]. Ф. Кермоуд связывает образ сада Прозерпины с искушением запретным знанием – *curiositas* Августина. Эта проблема волновала умы в век увлечения астрологией, магией, алхимией. Все образы и мифологемы сада Прозерпины, по мнению Ф. Кермоуда, являют примеры святотатства, пренебрежения сакральными истинами, самонадеянности как греха «старого Адама» [9, с. 165]. П. Алперс и П. Куллен считают, что предложение утолить голод ябло-

ком и усталость отдыхом на серебряном троне подразумевает искушение плоти, без которого идея Ф. Кермоуда о полной инициации Гайона в подземном мире Маммона оказывается несостоятельной [10, с. 69]. В эпоху Возрождения Прозерпину традиционно изображали с веточкой граната в руках, сидящей на серебряном троне. Происхождение этой мифологемы связывают с образом Тезея, прикованного к трону Плутоном за похищение Прозерпины. Павсаний в «Описании Эллады» утверждает, что Тезей был прикован к Трону Забвения за попытку проникнуть в тайны божественного знания [9, с. 165]. Брукс-Дэвис обращает внимание на предложенную комментаторами поэмы иную версию – серебряный трон присутствовал в Элевсинских мистериях как некое запретное место или камень скорби, *agelastos petra*, на котором восседала Церера, ожидая близ Элевсина свою дочь [8, с. 155]. Мисты не имели права сидеть на запретном камне, чтобы не оскорбить память о Церере (Деметре). Отказавшись от запретного трона и запретного фрукта, Гайон избежал судьбы Прозерпины, отдававшей плод граната, и преодолел влияние Сатурна, пробуждавшего страсть к запретному знанию. Аллюзия на Элевсинские мистерии представляется важной для понимания образа сада Прозерпины как последнего и наиболее сложного испытания Гайона. Неоплатоники проводили параллели между Элевсинскими мистериями и христианским учением. Залы для посвящения в Элевсинских мистериях напоминали ужасы Гадеса, там разыгрывались мучения грешников. После прохождения жестоких испытаний кандидат получал титул Мистес, т. е. видящий сквозь туман, и был допущен к высшим истинам Великих Мистерий. Они давали ученику секреты высвобождения его духовной природы от бремени материи, восхождения души от низших миров к области света. Все ритуальные действия, которые разыгрывались в Элевсинских мистериях, позволяли иницируемым испытать ужасы Тартара и счастье Элизима. Считалось, что душа человека принадлежит высшим мирам, она по-настоящему жива только тогда, когда освобождается от материальных уз. Телесная природа человека есть могила, ложное и временное вместилище души. Если человек не преодолел в этой жизни свои земные желания, он унесёт их в другой мир, где, неспособный удовлетворить желания, он будет в вечной агонии. Считают, что дантовский ад есть символическое описание страданий тех, кто не освободил свою духовную натуру от желаний. Подлинное рождение человека элевсинские философы связывали с рождением души, освобождающейся от своей плотской природы. Подобно Энею, получившему высшее божественное знание от своего отца Анхиза в подземном царстве Плутона, подобно Геркулесу, который был посвящён в тайны Элевсинских мистерий накануне спуска в ад и похищения Цербера (в аллегорическом плане этот подвиг воспринимали как победу над страстями), подобно Христу, искушаемому Сатаной в пустыне, Гайон, как подчёркивает Ф. Кермоуд, проходит полную инициацию накануне своего наивысшего подвига – победы над волшебницей Акразией.

Спенсер постоянно проводит параллель между элевсинским мистом Геркулесом и Гайоном. Геркулес воплощает активный героизм язычников. Добродетель Гайона, искушаемого Маммоном, подобна доблести Геркулеса (Гайон стремится быть лордом тех, кто обладает богатством, его влекут подвиги, героические приключения, доспехи и оружие – всё, что необходимо для странствующего рыцаря) и не может быть совершенной с точки зрения Августина и других христианских мыслителей, говорящих о ценности самообуздания страстей, смирении и милосердии, о героизме Христа. Ф. Аквинский писал, что Христос разрушил замыслы Сатаны не своими героическими подвигами, но страданием. Совершенно справедливой представляется точка зрения П. Алперса и тех исследователей, которые связали испытания

Гайона с проблемой героической добродетели – сквозной для всей поэмы. Средневековая этическая мысль выстраивала иерархию добродетелей исходя из критерия удалённости от страстей [3, с. 37]. Три уровня добродетели назывались человеческими добродетелями, а четвёртый – существовал в Боге как идея или совершенный пример. Добродетели низшего уровня назывались «политическими»: они смягчают, обуздывают страсти. Этой степени могут достичь люди, которые занимаются достойными делами в миру. Добродетели второго уровня – очистительные, они искореняют страсти и присущи философам. Но полное забвение страстей характерно для добродетелей третьего уровня – это добродетели уже очищенной души. Такого состояния достигает дух, полностью свободный от страстей. Этому уровню соответствует определение мудреца. Гайон попадает в Berger. – New царство Маммона как человек, склонный к греху. Несовершенство его человеческой природы проявляется в подвластности страстям – это любопытство, гнев, злость, гордыня, вспыльчивость, как об этом свидетельствуют его ответы Маммону. Он должен низойти до самых глубин царства Маммона, в сад Прозерпины, чтобы понять, что он – «wicked man», нуждающийся в божественном милосердии и благодати, хотя его героическая добродетель совершенствуется и достигает той стадии совершенства, которая находится между *virtutes purgatoriae* и *virtutes jam purgati animi*, – пишет F. Kermode [9, с. 171].

Библиографические ссылки

1. *Грейвс Р.* Мифы Древней Греции / Р. Грейвс ; пер. с англ., под ред. и с послесл. А. А. Тахо-Годи. – М. : Прогресс, 1992. – 624 с.
2. *Милтон Дж.* Потерянный рай. Возвращённый рай. Другие поэтические произведения / Дж. Милтон ; пер. с англ. С. А. Александровский, Е. В. Витковский и др., составл., подготовка текстов, статьи, примеч. А. Н. Горбунов. – М. : Наука, 2006. – 860 с. – (Сер. Лит. памятники)
3. *Мингалеева Н. Х.* Петрарка о добродетели (в свете христианского учения) / Н. Х. Мингалеева // Франческо Петрарка и европейская культура ; отв. ред. М. Брагина. – М. : Наука, 2007. – С. 34–53.
4. *Привалова Л. П.* Легенда о подвиге Св. Георгия в поэме Э. Спенсера «Королева фей» : монография / Л. П. Привалова. – Дн-ск : Акцент ПП, 2015. – 210 с.
5. *Холл Д.* Словарь сюжетов и символов в искусстве / Д. Холл ; пер. с англ. А. Майкапара. – М. : Крон-Пресс, 1999. – 656 с.
6. *Alpers P.* The Poetry of the Faerie Queene / P. Alpers. – Princeton, N. J. : Princeton UP, 1967. – P. 235–276.
7. *Berger H.* The Allegorical Temper / H. Berger. – Yale UP, 1957. – P. 3–38.
8. *Brooks-Davies D.* Spenser's Faerie Queene. A Critical Commentary on Books I and II / D. Brooks-Davies. – Manchester UP, 1977. – 229 p.
9. *Kermode F.* The Cave of Mammon / F. Kermode // Elizabethan Poetry; ed. John Russel Brown and Bernard Harris. – L. : Arnold, 1960. – P. 151–173.
10. *Cullen P.* Infernal Triade. The Flesh, the World and the Devil in Spenser and Milton / P. Cullen. – Princeton UP, 1974. – P. 68–100.
11. *Spenser E.* The Works of Edmund Spenser / E. Spenser; ed. R. Morris. – L. : Macmillan and Co., 1906.
12. *Well R. H.* Spenser's Faerie Queene and the Cult of Elizabeth / R.H. Well. – L., 1983.

Надійшла до редколегії 19.04.2017 р.